

произнесения первой поздравительной речи. Он оторвал удивленный взгляд от маленького Вити, - сидевшего рядом с ним, и лицо которого было почему-то багрово красным, как будто он делал над собой какое-то невероятное усилие, - он встал несколько смущенный и начал вспоминать все бесценные качества именинницы:

- Дорогая наша Зоя Александровна... - тут Витя издал неприятный внутриутробный звук тут же перешедший во внешне утробный, равный по громкости и заряду нескольким килограммам тротила. Именно этот подвиг Геракла и пытался совершить Витя.

- Витя! – умоляюще произнесла именинница, и лицо её от стыда стало не мене багровым, чем у проказника-отпрыска.

- Витя! – произнес его отец, тоже с красным, но уже от беспредельной злости лицом. Он резко встал, подбежал к сыну, схватил Витю за руку и поволок в спальню. При этом Витя успел обратиться к гостям с добрым пожеланием: «Приятного аппетита, гости дорогие, жрите, сволочи!» - эту фразу он недавно услышал из разговора двух болтливых соседок и добавил к фразе от себя сложный идиомат доходящий если не до третьего, то уж точно до второго этажа сложности. Под свежими впечатлениями Витин папа, не теряя времени, первый раз в жизни

снял со штанов ремень и решил внести некоторые быстрые, но существенные изменения во внутренний мир ребенка. За закрытой дверью спальни слышались хлесткие удары и непонятное мычание, исходящее то ли от папы, то ли от Вити.

Затем отец семейства, извинившись за поведение сына, вернулся за стол, всё ещё красный от физических усилий и обливаясь потом, и праздник пошел своим чередом. Быстро охмелевшие научные сотрудники абсолютно перестали правильно ориентироваться в окружающей обстановке и стали мелкими партиями разбредаться по комнатам и заводить заумные беседы, понятные только им одним.

В одной из спален два бородатых историка, приятели Витинога папы, расположились в креслах с бокалами вина в руках, а третий приятель уже висел на спинке кровати, начиная потихоньку громко сопеть, и готовясь захрапеть. Один из историков, известный академический плуг, безоглядно вспахивающий пашню науки, поглощавший одну книгу за другой нередко даже не вдаваясь в смысл прочитанного, завел весьма спорный разговор об истории запорожского казачтва:

- ... и турки многих поймали, совершили над ними обряд обрезания, всех заклеямили, многим выкололи глаза и вырвали языки, но это нисколько не напугало ни казаков, ни их

предводителя. Скоро они вновь сели в ладьи и поплыли под Константинополь. Турки опять почти всех переловили, посадили многих в бочки с дерьмом, сбрили им чубы, выпороли, обрезали уши, и затем отпустили восвояси. Однако и тут герои-казаки не угомонились, в 1614 году две тысячи отборных сорвиголов снова выплыли в море. Дорогу им на этот раз показывали потурнаки, казаки, которых турки насильно держали у себя долгие годы: кормили под страхом смерти, заставляли завести гаремы, издевались над ними, принуждая целыми днями бездельничать, но, несмотря на всё это казаки никак не могли забыть родину и родные обычаи: начинали воровать и ходить по ночам в

чужие гаремы, за что изверги-турки рубили им руки и вырывали ноздри. И теперь потурнаки хотели, чтобы через эти приятные процедуры прошло как можно большее количество земляков. В тот памятный год запорожцы пристали возле города Синопа, располагавшегося в живописнейшей местности с прекрасным климатом. Город славился богатством своих жителей, красотой мечетей и цветущими садами и звался «городом влюбленных». Казаки вырезали весь гарнизон, сожгли мечети, истребили большую часть населения, оставив после себя пепелище, превратившееся в пустыню, и с радостью отправились домой...

- Да, я помню эту славную главу в истории запорожцев, - согласился с ним его приятель. - Живописная местность, приятный климат и благожелательность жителей так понравились казакам, что они еще не раз брали славный город приступом, сжигали его дотла и уводили в плен его жителей. Таких выдающихся успехов запорожцы еще никогда не достигали, разве что при атамане Сирко. Когда в битве под Пупырлем в тяжелейшей военной ситуации бесстрашные наши казаки храбро развернулись и стали удирать что было духу.

- А помните не менее героическую главу нашей истории, когда в морской битве под Синопом начальник турецкого флота, раненый, попал в плен к казакам и

предлагал за себя тридцать тысяч золотых, но не выдержал радушия казаков и умер под плетьюми.

- Да, много славных страниц в отечественной истории...

Рядом с ними в мягком кресле сидела жена одного из них, с головой погруженная в процесс просмотра годовой подшивки педагогического журнала с елейными статьями о воспитании детей и взаимоотношениях в семье - любимой теме Витиной мамы. Женщине надоела предложенная тема научной дискуссии, и она решила ее сменить:

- Ребята, может вам поговорить о чем ни будь другом, мне надоели уже эти ваши казаки. Говорите о татаро-фашистском иге, что ли.

- Дура, нет такого понятия, - грубо ответил её муж, в очередной раз поражаясь непросвещенностью жены.

В других комнатах велись не менее заумные беседы, приводящие иногда к изумительным открытиям. Например... шампанского.

К концу праздника, когда гости были достаточно нагружены и готовы были разбрестись в нестройном порядке по домам, Витина мама неожиданно всполошилась, потеряв из виду своего проблематичного ребенка. «Дорогие гости, - обратилась она к собравшимся, - кто-нибудь видел моего сына?». «Нет не видели, – был ответ, - надо поискать». Витя долго не откликался на зов, потому

что очень удачно спрятался под диваном во второй спальне и, мало обращая внимания на посторонние звуки, занялся обдумыванием процесса засовывания кошки в микроволновую печь. Потом он с огромным интересом стал наблюдать, как один рослый доцент вошел в спальню и занялся поисками его детской персоны с одной хорошенькой лаборанткой. Доцент, не включая свет, по научному основательно приступил к делу: сперва он внимательно осмотрел все углы комнаты; затем осмотрел шкаф, проведя полную инспекцию карманов плаща Витино папы; затем осмотрел содержимое двух тумбочек; затем заглянул под юбку лаборантки, но и там, как не странно, не

обнаружил Витю. Затем обоих молодых людей сильно огорчило то, что кроме них в комнате никого нет, но огорчение было не долгим, их тела тут же стали поддаваться всесильному закону всемирного тяготения, притягивающего друг к другу молодые здоровые тела...

Copyright © Roman Revakshyn
romanrevakshyn.su

XII

Copyright © Roman Revakshyn
romanrevakshyn.su

После нескольких дней и ночей, проведённых в камере

предварительного заключения, Петрович и Михалыч были определены судом на десятидневные исправительные работы, которые их обязали пройти в городском психиатрическом диспансере, остро нуждавшемся в дворниках. В городе было не так много живописных мест, и одним из них, без сомнения, была территория психиатрического диспансера, покрытая пышными каштанами и побегами неизвестного кустарника, создающими весной и летом расслабляющую тень, в которой могли отдохнуть и душой и телом, расположившись на удобных деревянных лавочках, временные и постоянные больные, а так же пришедшие к ним посетители.

Правда для того, чтобы попасть в этот оазис, надо было проникнуть сквозь кирпичный забор и колючую проволоку или наделать много интересных дел, за которые можно было попасть и за другой похожий забор. Главврач лечебного заведения Марья Петровна Сутулова, лечащая больных не только знанием медицины, но и своей фигурой, впервые увидев Петровича, с пониманием покачала головой приведшему их молоденькому милиционеру, безошибочно определив в Петровиче родственную душу и тут же поставив точный диагноз: олух, запущенная форма. Copyright © Roman Revakshyn romanrevakshyn.su

- Не волнуйтесь, сержант, у нас они в безопасности. Заодно немного подлечимся, попьём витаминов, поправим тонус, - она премило улыбнулась Петровичу и Михалычу, а потом и молоденькому милиционеру, сосредоточенно осматривающему её с головы до ног, мысленно раздев до гола, - трудотерапия, батенька, вещь великая, не помню, кто из Великих сказал это, – добавила она. При слове «попъём» и Петрович, и Михалыч заметно приободрились и даже слегка посвежели. Они всегда были не прочь попить витамины.

- Метлы у нас вон там, - указала Марья Петровна в угол коридора.

- Пошевеливайся, - бесцеремонно толкнул милиционер Петровича, -

давай быстрее! - Но слуге закона тут же пришлось убедиться, что заставить Петровича двигаться хоть сколько-нибудь быстрее, было равносильно, как если бы попытаться пустить черепаху в галоп.

Петрович и Михалыч выбрели на территорию диспансера с метлами наперевес и приступили к своим обязанностям, в первый раз в жизни начав осваивать профессию дворника. Во время неспешной работы у них было достаточно свободного времени, чтобы понаблюдать за каждодневной жизнью диспансера и составить некоторые суждения об обитателях этого закрытого учреждения.

За одним из кустов стоял пожилой человек в клетчатой рубаше, держащий перед собой полусогнутые руки. За ним стоял худощавый прыщавый парень, задумчиво наблюдавший за действиями пожилого пациента.

- И какие важные мероприятия вы предпринимаете для активизации клева? – не выдержал прыщавый парень.

- Всё-таки, какое падение нравов у молодежи, - вместо ответа нервно произнес «рыбак», - специально встал пораньше, чтобы попасть на первую поклёвка, а мне хотят распугать всю рыбную стаю! А ведь по утрам попадают действительно выдающиеся экземпляры. Иди отсюда, придурок!

- Ну, ну, - хмуро произнес молодой человек и отошел за другой куст. Обитатели диспансера называли его «студентом», так как в то время, когда его приняли в свой коллектив обитатели дурдома, он был одним из лучших студентов политехнического института. На экзаменах он просто засыпал экзаменаторов информацией, правда, в последнее время учёбы он начал сильно заливать, выплескивая на них целые вёдра непроверенных фактов, определённо, как посчитали экзаменаторы, подмачивая репутацию здравомыслящего человека. Его речь со временем начала становиться умней и умней, а выражения всё грубее и грубее, и более напоминали какие-то

**ужасные комментарии к
техническому апокалипсису, а сам
он стал угрюмым и недоверчивым,
потеряв надежную душевную
опору. В диспансере «студент»
приобрёл, однако, одну интересную
привычку: он часто просил
подсадить его до верхнего края
забора, поверх которого сквозь
колючую проволоку можно было
увидеть унылую картину
зброшенной спортплощадки.
Однако некрасивый пейзаж часто
разбавляли старшеклассницы в
кощунственно коротких юбках,
ежедневно приходившие туда
покурить после уроков. Copyright ©
Roman Revakshyn
romanrevakshyn.su
«Рыбак», с которым
разговаривал «студент», попал в**

заведение из-за любви к умственному самосовершенствованию. В тридцать лет он неожиданно для всех решил, во что бы то ни стало, сделать из себя высокообразованного человека. Шесть лет он учил английский язык, восемь – немецкий, и вследствие этих героических потуг у него в голове началась такая чехарда, что он уже и сам не знал на каком языке разговаривает. Мысли у него в голове вследствие слишком долгих и мучительных учёных занятий стали двигаться с такой стремительностью, что он едва успевал хватать их за хвост. И после стольких трудов бедный горемыка-ученик понял, что его призвание - ловить рыбу. Кроме

них в психиатрии находилось немало достойных людей лишь по иронии судьбы оказавшихся вдали от культурных центров цивилизации. И какие дарования здесь иногда погибали! Среди них можно было найти превосходных кандидатов на высшие гражданские, военные и другие государственные должности нашей страны. Ведь не является секретом доказанный факт, что IQ многих ныне действующих высоких государственных чиновников стремительно приближается к нулю. Во всём мире, конечно, полно дураков, но наши, откровенно говоря, самые несносные. Счастлив блаженный человек, который не ведает больших умственных способностей, тем же, кто не

обладает подобным спасительным преимуществом и имеет некий дар, всегда в жизни приходится трудно.

Так диспансере в то замечательное время находился бывший директор одного коммерческого банка. Видный мужчина с широченными кредитными плечами, очень любящий плотно подкрепиться и часто гадающий от чего именно его тошнит после обеда, то ли от трех тарелок супа, то ли от шести отбивных, то ли от четырех стаканов бульона. В диспансере разрешалось есть до полного отвала, и он с удовольствием предавался чревоугодию. Здравомыслия и хитрости, вообще-то, ему хватило бы на пятерых здоровых. Но иногда он так

увлекался всякими хитрыми комбинациями, что часто обманывал даже себя самого. Поэтому он и удалился на некоторое время в оазис моральной чистоты, подальше от вездесущих налогов и прочих мелких неприятностей в виде безвозвратно потерянных вкладов нескольких тысяч клиентов. Больные называли его уважительно - Сан Саныч. Несмотря на большую разницу лет, он неожиданно близко сошелся со «студентом», и они часто заводили острые философские беседы на злободневные темы современности. К ним подключались и другие безнадежные больные, попавшие туда скорее не по диагнозу, а по воле обстоятельств, так как

попасть в диспансер стремились многие граждане, скрывающиеся от правосудия.

В то утро Сан Саныч, по заведённому обычаю, за час до завтрака вышел посидеть на лавочке или немного прогуляться по аллее – нагулять аппетит, а заодно размять остроумную голову в беседе со своим юным другом, на первую, пришедшую на ум тему. Вдали он увидел гуляющего «студента», помахал ему приветственно рукой, и сел на липкую свежеевыкрашенную лавочку, ожидая своего юного товарища.

- Вы не видели ещё наших новых друзей? - обратился к Сан Санычу «студент», едва подойдя к лавочке. – Хотя нет, - ещё раз

**взглянув куда-то в сторону,
задумчиво произнёс «студент», - это
не наши друзья, это, наверное,
отбывающие наказание, вон рядом
с ними блюститель порядка.**

**Наверное, совершили что-нибудь в
высшей мере революционное.**

**Преинтереснейшие экземпляры,
надо сказать. Посмотрите на
высокого: вот-вот свалится вместе
с метлой.**

**- Думаю это жесточайший
похмельный синдром, мой друг, -
сделал вывод Сан Саныч, устремив
взгляд туда, куда кивнул «студент».
- Кажется, надо спасать несчастных
людей, – и он заговорщицки
подмигнул товарищу. - Только
ради человеколюбия, - усмехнулся
Сан Саныч и вытащил из
внутреннего кармана пиджака**

плоскую бутылку коньяку. – Давай так: я постараюсь отвлечь мента, а ты - окажи первую медицинскую помощь этим угнетаемым жертвам алкоголизма.

Сан Саныч подошел к милиционеру и самым серьезным тоном стал задавать ему всякие каверзные вопросы о службе и личной жизни. Поинтересовался: до сих пор ли по нашим улицам бродят голодные милиционеры, так что не успеешь напиться, как к тебе выстраивается очередь молодых стражей законности с протянутой рукой. И, медленно уводя его от подопечных, продолжил живую беседу, проявляя неслыханную для больного проницательность. «Студент» поспешил выполнить свою спасительную миссию, он

подошел к Михалычу и протянул ему бутылку с коньяком. Михалыч трясущимися руками вцепился мертвой хваткой в бутылку и был доведен несколькими глотками до состояния плохо контролируемой эйфории. Такое несказанное счастье не каждый день спускается с небес. Но, всё же, даже на вершине счастья он не забыл о друге и поспешил передать бутылку Петровичу, боясь помутнения рассудка, которое может заставить его выпить до дна весь коньяк.

- Как вам эти экземпляры? – спросил «студент» подошедшего в этот момент к нему «рыбака», - не правда ли шедевры человекостроения?

- Молодежь как всегда склонна, natürlich, ошибаться, судя по их пьяным рожам, я бы без промедления отнес бы их к тупиковой ветви развития человечества. – Михалычу было непривычно слышать подобные высоколобые речи, он не понял о чём говорили в частности, но понял, что о нём не очень хорошо отзываются.

- Ё.. . вы су... я вам бл... как надо мной х... какого ч...- возмутился Михалыч, грудью встав на защиту свой чести и чести Петровича, изрядно, правда, потрепанной недавними событиями. Он замахнулся метлой на наглого «рыбака», и тот поспешил быстро ретироваться, говоря на ходу:

- Вот, вот, я как раз об этом, какой нахал, и это вместо уборки территории! Мети, давай, старый хрыч, всю страну загадили, а убирать некому. – «Рыбак» был далек от мысли о физическом сопротивлении. Только один раз в жизни он сумел затеять восхитительную, но на удивление короткую драку, легко расставшись с двумя передними зубами. Это историческое событие произошло, когда он попытался на улице вразумить двух подростков, сцепившихся из-за последнего глотка пива, но быстро объединившихся в борьбе против него.

«Студенту» стало немного стыдно за своего невежливого коллегу:

- Не обижайтесь на него. Не надо обижаться на дураков: они живут, как умеют, – попытался он оправдаться перед Михалычем, но на всякий случай отошел от того подальше.

Прогулка Сан Саныча с молодым Пинкертоном подошла к концу, к великой радости последнего, которому как на допросе пришлось рассказать представителю господину о всей своей жизни, начиная с того момента, когда ему впервые одели ползунки, и кончая насущными проблемами коррупции в милиции. Освобождённый от лишнего душевного груза, милиционер возвращался к своим подопечным как после исповеди: Сан Саныч умел надавить на человека

авторитетом так, что тот готов был поделиться с ним самым сокровенными секретами, лишь бы быть амнистированным от дружеской беседы. Но когда милиционер приблизился к Петровичу и Михалычу, то нашел их в полу лежащем положении расположившимися на траве, улыбающимися и совсем не способными выполнять не только положенную трудовую повинность, но и любую иную деятельность. Михалыч уже целых двадцать минут тянулся за метлой, но никак не мог ее схватить, та оказывалась неуловимой, и он опять валился на бок. Юноша в погонах, удивленный этим возмутительным фактом человеческого вандализма, до глубины души оскорбился и

совершил попытку выведать у двух друзей источник припадка веселья. Он обратился с настойчивым вопросом к Петровичу, и тот, узрев пред своим носом мощный кулак, поспешил, с некоторым вялым усилием, поднять руку и указать куда-то в сторону лавочек, на которых к тому времени сидело уже немало пациентов. Без лишних расспросов милиционер опрометью побежал докладывать Марье Петровне, о творящихся в её диспансере ужасных и таинственных делах, услышав о которых, Марья Петровна вспыхнула от охватившего её яростного возмущения до корней волос, едва не подпалив белоснежный медицинский халат, в

который она так элегантно была завернута.

-Кто, я спрашиваю, напоил двух посторонних лиц?! – гневно закричала она, высунув

наполовину из окна свой аппетитный торс. «Рыбак», отличавшийся повышенной любовью к ближним, не смог сдержать эмоций и закричал:

- Я видел как Сан Саныч и Павел студент чем-то угощали двух дворников, а потом Сан Саныч гулял обнявшись с милиционером!

- Сан Саныч, вы всё веселитесь, для вас это не психиатрическая больница, а курортный санаторий! Мое беспредельное терпение со временем может лопнуть! – голос

**заведующей начал напоминать
завывающую сирену.**

- Степлтон, - делая вид, что не совсем понимает о чем идет речь, громко удивленно обратился Сан Саныч к сидящему рядом с ним «студенту», - что это? – Студент понял свою роль в репризе и подхватил:

- Ватсон, говорят, что в этих местах так воет собака Баскервильей, сэр!

- Не прикидывайтесь придурками, я вас быстро выпишу! Сан Саныч, вы ведь уважаемый человек, а ведёте себя как ребёнок! – с обидой в голосе закричала главврач.

- Прежде всего, я – идиот, Марья Петровна, что же вы хотите от идиота? – Так же обиженно

**отвечал бывший финансовый
воротила. - Я отдыхаю настолько,
насколько заплатил, – язвительно
добавил Сан Саныч, - или вы
хотите, чтобы я сошёл здесь с ума
от скуки?! Тогда лечить меня
придётся бесплатно...**

**- Мой юный друг, - обратился
Сан Саныч к студенту, взглянув на
часы, - вы бы не хотели
прогуляться к забору, кажется, как
раз время, здесь нас слишком плохо
принимают, создали какой-то
нездоровый ажиотаж на пустом
месте. И знаете, что я вам скажу, -
вдруг не к месту произнёс Сан
Саныч, - на вашем месте я бы не
терял времени зря и давно бы
вплотную занялся вопросом
заведения семьи и потомства, то
есть в перспективе, я имею в виду.**

Или вы как все интеллигентные люди стыдитесь иметь детей? А тем временем люди менее интеллигентные с удовольствием заводят по десять и более младенцев. И скажите мне, пожалуйста, куда мы тогда докатимся, если все умники вымрут. Тогда таким как я закоренелым отшельникам не с кем будет поговорить в дурдоме. И всё это из-за стеснительной сентиментальности нашей умственной элиты...

Сан Саныч усмехнулся, взял «студента» нежно под руку, и увлёк его в сторону стены.

Copyright © Roman Revakshyn
romanrevakshyn.su

XIII

Copyright © Roman Revakshyn
romanrevakshyn.su

Прибытие крупного зарубежного бизнесмена-афериста Клауса Кляйна, известного у себя в стране и за рубежом виртуоза-мошенника, ознаменовалось небольшим казусом, произошедшим с ним вскоре после приземления на нашу землю. Он много слышал о том помпезном радушии, с которым мы встречаем иностранцев, что даже хилая заморская свинья, прибывшая к нам в консервных банках, неожиданно становится большим, важным зверем. А у любого нашего истинного патриота при слове «иностранец» почему-то

начинает дугой прогибаться спина. Прилетел он для того, чтобы встретиться с мэром нашего города и обсудить с ним условия сделки, в которой должен был активно участвовать «Сатурн». Право встретить гостя предоставили «Сатурну», а там доверили это важное мероприятие Петру. Он полночи готовился к незабываемой встрече и учил приветственные фразы на английском языке, подготовленные для него знакомым полиглотом. Кроме приветственных, он самостоятельно выучил несколько других фраз, найденных им в Интернете, в том числе и пару нелитературных оборотов, предназначенных для поддержания раскованной атмосферы в тёплой

дружеской беседе. Когда же на вокзале к Петрухе, который, как его и учили, держал в руках плакат с именем встречаемого, подошел бородатый человек в потрёпанном пальто и представился хэром Клаусом, Пётр проявил впечатлительность и от неожиданности забыл все нужные приветственные слова, выученные накануне, и выпалил лишь: «Вотс э бул шит, хэр Кляйн!!!». Подобное приветствие на английском языке, полное почтения и глубокого уважения, развеселило заморского гостя. Он громко засмеялся, добродушно похлопал Петруху по плечу, поняв, что это свой в доску парень и, таким образом, первый эмоциональный контакт был полностью налажен. Отчасти Петра

удалось застать врасплох из-за непримечательной внешности господина Кляйна. Одет он был просто, без лишних притязаний на моду или особый вкус. Возможно, это было сделано намерено, чтобы не выделяться среди других членов общества, которых так самозабвенно любил обманывать хэр Кляйн. Лишь багровый шрам над правым глазом был единственной примечательной особенностью простого лица приезжего. Шрам Кляйн получил после автомобильной аварии в Берлине, когда по завершении затянувшегося банкета он поехал в гостиницу, слабо цепляясь за руль, и в одном из поворотов длинная колонна фонарных столбов попыталась перебежать ему дорогу.

Кляйн не первый раз был у нас в стране. Из прошлых визитов он вынес похвальное для нас мнение, что здесь, и особенно иностранцу, можно совсем неплохо пожить, если бы только не холодная затяжная зима, а летом не злые, как собаки комары.

От вышестоящего начальства, то есть от Владимира Васильевича Сущенко, Пётр получил указание отвезти гостя на новую, недавно выстроенную дачу мэра. Доступ в эту загородную резиденцию мэра был строго ограничен, дабы умение строить и обставить жилище с присущим большому человеку размахом не вызвало кривотолки среди общей бедной массы городского населения. Кляйн был давним испытанным другом и

Сущенко, и мэра, который, иногда, шутливо, хотя и грубовато, называл Кляйна «удивительной, уникальной личностью давно достойной провести остаток своей жизни за тюремной решеткой».

Сущенко и Константин Иванович также были старыми приятелями, вместе обделав немало умопомрачительных коммерческих комбинаций. Ехать к даче пришлось через центр города. Кляйн не без удовольствия отметил, когда они проехали мимо мэрии, что резиденция главы города со времени его последнего визита заметно похорошела: перед зданием появились элегантные фонтаны с ночной подсветкой; все подъездные пути были выложены камнем, были удивительно чисты

и отличались ровностью покрытия, в отличие от остальных дорог города и области, похожих на разбомбленные направления движения, о чем немец смог судить сразу же, как только они отъехали от аэродрома, высоко подскочив на заднем сиденье автомобиля и больно ударившись о крышу машины своей лысой головой. Дождливой осенью большинство дорог в городе становились проходимы только для танков и вездеходов, а снежной зимой, при минус тридцати, водителям, застрявшим в сугробах, оставалось утешать себя лишь тем, что как раз в это время в Гонолулу цветут пальмы, а на Гаити, наверное, начинается период теплых муссонов.

Кляйн сначала подумал, что они заедут в мэрию, поприветствовать Константина Ивановича, но Пётр, уловив вопросительный взгляд гостя объяснил: «Мы поедем сразу на дачу к боссу, он уже ждет нас там. А самая лучшая дорога идет как раз через мэрию». «О, йа, сдесь хороша дороха», - обрадовавшись возможности проехать без прыжков в высоту, утвердительно произнёс Кляйн. Дорога от мэрии в восточном направлении оказалась неожиданно хорошая: новая, ровная, со свежей разметкой. На одном небольшом участке дороги всё ещё продолжалась работа. Какой-то изможденный человек в очень грязной спецовке рыл какую-то канаву еле-еле ковыряя

глинистую землю лопатой; над ним стояли три круглолицых начальника и, отчаянно жестикулируя, руководили доходягой, решив, во что бы то ни стало, уложить бедолагу в эту же канаву. Люди из мэрии наперебой расхваливали это произведение дорожного искусства, ставя её строительство в один ряд со строительством Цезарем Аппиевой дороги. Нашлись, однако, некоторые бессовестные, злые клеветники, нахально утверждавшие в слабой оппозиционной прессе, что новая дорога была построена не иначе как от мэрии к загородному дому уважаемого главы городской администрации. Но они скоро были вынуждены замолкнуть под

тяжестью неоспоримых улик, убедившись в стерильной чистоте нашего мэра. И больше никакие хамские статьи не появлялись.

Разве что, через месяц одна скандальная журналистка попыталась оставить следы от своих жирных пальцев на непререкаемом авторитете главы города, утверждая в одной своей скандальной статье в бульварной газете, что Константин Иванович есть никто иной, как неисправимый враг добра и преданный друг порока, предоставив при этом снимки какого-то субъекта, несколько напоминавшего своей фигурой и лицом всеми уважаемого мэра и носившего даже его часы, и который находился в компании

нескольких голых женщин. В другой же скандальной статье, она почему-то решила, что два месяца, когда мэра видели только его помощники, и когда он находился в важных заграничных командировках, - всё это время мэр банально находился в глубоком запое. На что Константин Иванович ответил ей в газетной полемике, что бывают люди – трезвенники, а ведут себя всю жизнь, как пьяницы, по-видимому прозрачно намекая на кого-то из вышестоящего руководства. Скандальной журналистке, конечно, никто не поверил, и возмутительнице общественного спокойствия пришлось объясниться с мэром в присутствии прокурора и пяти

вооруженных милиционеров, после чего ей срочно понадобилось удалиться из города на Канарские острова, по-видимому, чтобы скрыть свою позорную лживость, тем самым полностью признав ошибочность своего предвзятого мнения. Конечно, многие граждане нашего города и без газетных статей догадывались, что наш мэр имел абсолютно ничем не запятнанную совесть: ни честностью, ни моралью, ни любовью к согражданам, ни расточительностью в добрых делах.

Когда машина медленно подъехала к трёхэтажному зданию, больше походившему на дом культуры или виллу компьютерного короля, навстречу хэру Кляйну вышел сам

Константин Иванович, одетый в легкий спортивный костюм на босу ногу, одетую в туфли из кожи питона. За ним вышли два, как он говорил, «мальчика», безразмерных габаритов с лицами безжалостных убийц. Затем пришло время помпезному выходу хозяйки дома, дебелой матроны в теле, вышедшей покачивая широкими бедрами, и одетой, почему-то, несмотря на теплое время года, в длинную соболью шубу. В ней было не менее сто сорока килограммов, и фигура её была далека от того, чтобы называться хрупкой. Правда Евгения Петровна, как звали хозяйку дома, постоянно старалась не терять девическую стройность при помощи всевозможных изощренных пыток, называемых

диетами, что сильно портило её и без того испорченный характер, а взгляд всегда казался голодным.

Есть, надо сказать, сделав отступление, несколько видов диет. Одни страждущие являются твердыми приверженцами вегетарианства. Другие считают, что без мяса, как и без топлива, далеко не уедешь. Третьи считают, что есть можно всё, но не одновременно. Что нельзя смешивать разные ингредиенты: утром надо есть только яблоки, днем – мясное, вечером – огурцы. Еще одни свежее испеченные диетологи, основатели таких общеизвестных международных шаяк, как “Herbastupid”, “Amfools” и других им подобных, привыкших зарабатывать на жизнь

профессиональным обманом, убеждают вас, что за пищей надо ходить не в продовольственные магазины, а в аптеки, и именно их чудодейственные пилюли навсегда освобождают любого человека от лишнего веса и полностью выводят из организма шлаки. И не проходит и нескольких лет, как становится виден очевидный результат приема их комбикорма - появляется ещё одна надгробная плита. К счастью у нас существует национальное поверье, что если человек не в состоянии съесть пять килограммов отбивных за один присест, то он неизлечимо болен, а худые люди существуют лишь по милости божьей.

Кляйн, как старый дамский угодник, рассыпался перед

хозяйкой дома в комплиментах, сравнив её с богиней, сошедшей с небес, хотя для себя лично он отметил, что шуба на богине намного красивей её самой. Долгое обнимание на пороге было продолжено внутри дома. Интерьер жилища ничем не уступал экстерьеру здания. Дороговизна сияла по всюду золотом картинных рам на стенах и серебром лепнины на пятиметровых потолках. «Хэр Константин, как я рад фас фидеть», - наконец вырвался из объятий мэра его иностранный приятель. «Сколько лет, сколько зим, как мы здесь говорим», - растаял в улыбке Константин Иванович. Тут из апартаментов белым лебедем выплыла дочь хозяина дома, девица с сомнительным видом: то

ли она уже спала, то ли еще не проснулась, - по-видимому, это было одним из её основных занятий. Хэр Кляйн тут же сравнил её распухшее лицо с лицом Моники Белучи, и мог сравнить её со многими другими женщинами, о существовании коих сонная царевна тоже не имела никакого понятия.

- Когда я уфидел фас, - сладко щебетал гость, обращаясь к Люде, как звали дочь мэра, - я помолодел ф среднем лет на двадцать, а может бит и больше!

- Дорогая, - обратилась хозяйка дома к своему чаду, не желая упускать инициативу из своих рук, - не утруждай себя взрослыми разговорами, ты можешь пойти поспать, а то я боюсь, еще немного

и мистер Кляйн впадет в детство, - колко заметила любящая мать.

Люда безразличным взглядом сперва посмотрела в окно, а затем, припоминая, наверное, на какой части сна она остановилась, с рассеянным видом направилась в свою комнату досматривать очередную серию сновидения.

- Очень красивая дощ, - объяснился Кляйн Константину Ивановичу.

- Да, я согласен с вами, дорогой друг, - хитро улыбаясь, ответил отец, - хорошая у нас получилась дочь: умная, красивая, не зря упорно работали над её созданием, – хихикнул господин мэр. - А как она умеет шутить с моими охранниками. Часто слышу, как они смеются в её спальне. У нас

ещё есть сын, но в данное время он, к сожалению, вынужден отсутствовать по независимым от него причинам.

Действительно, парень был вынужден отсутствовать «по независимым от него причинам». Он конфиденциально лечился в наркологическом диспансере от пристрастия к ботаническим изысканиям. Всё прошлое лето он собирал всевозможные травы и собрал, надо сказать, обширнейший гербарий разнообразных сортов и видов конопли и быстро его скурил, не забывая примешивать к зелью героин.

- Когда Костя приедет, он покажет вам все живописные прелести вокруг нашей дачи.

Никто в здешних местах не знает окрестности лучше него, ведь он у нас – натуралист.

- О, йа, начралист, как англичанине говорят. Гут, я поняль.

Тут Константин Иванович пригласил иностранца выпить чаю, который для них разлила мать мэра, старушенция, по всем признакам ровесница фараонов.

- А это – моя мама, - представил прародительницу Константин Иванович, - стальная женщина, кремь, таких теперь не делают. – Тут этот взрослый мужчина как-то опасливо посмотрел на мать, как будто до сих пор опасался порки со стороны старушки.

После чая с коньяком, два приятеля, не вставая из за стола,

решили перейти от разговоров к делу, вернее, к разговорам о деле.

- Вы, как я вижу, друг мой, приехали, как обычно, без документов и набросков будущей нашей грандиозной сделки? – спросил Кляйна мэр.

- Вы же снаете, хэр Константин, што я не носить кофер, я прифык носить папир сдесь, - скромно признал гость, и выразительно постучал холёным указательным пальцем себя по лбу. - Но в последний фремя мало кое-што забифать.

- Завели бы для такого случая секретаря, - резонно посоветовал предусмотрительный Константин Иванович.

- Я имел один секретарь, как фы говорить, но он не шороший был...

Секретарь и вправду был не совсем хорош. После того, как он однажды получил задание отнести значительную сумму денег в банк, он быстрой походкой вышел из офиса господина Кляйна и после этого его, как не странно, в Германии уже никто никогда не видел. Зато в далекой и свободной от предрассудков Америке на одного богатого гражданина стало больше.

Для деловой беседы приятели отправились в отделанный ореховым деревом кабинет Константина Ивановича, и дальнейшая тёплая беседа велась за закрытыми дверьми...

Copyright © Roman Revakshyn
romanrevakshyn.su

XIV

Copyright © Roman Revakshyn
romanrevakshyn.su

Мы живем не в мегаполисах с миллионным населением, со зданиями, уходящими в небо и многоярусными автомобильными дорогами, по которым мчатся сверкающие серебром и хромом автомобили; в мегаполисах, окутанных железными дорогами, по которым летят пугающие воображение своей скоростью поезда, превзошедшие футуристическими формами

космические корабли, - мы живем в обычных провинциальных городах, разбросанных по всей периферии, и жили бы совсем счастливо и беззаботно, если бы не рассадник зла в виде дьявольского телевидения, показывающего всю убогость и непроходимую тупость нашей жизни.

В один из тихих майских вечеров Лариса и Вовик сидели на лавочке в парке отдыха и отчаянно целовались, так сильно налегая на это увлекательное занятие, что у обоих начинали зудеть губы. Слегка устав от поцелуев, Лариса сказала, что у неё замерзли руки, и засунула их в штаны Вовика. Вовик совсем разомлел. Неожиданно он сказал, что хочет пообщаться с ее отцом. И тут

Лариса неожиданно поняла, что Вовик стал для неё не только приятелем на один вечер, не только достойным источником денежной помощи, но чем-то большим. Она решила, если уж он такой дурак, то надо устроить Вовику встречу с родителем, то есть Михалычем, но все-таки предупредила его, что "папа полный козел". Такого глупого любовника опытная в подобных вопросах Лариса давно не встречала. «Да, - думала в порыве сладостных раздумий Лариса, - счастье, всё-таки, может неожиданно навалиться на любого, надо всего лишь не сойти с того места куда оно шлёпнется!» Как раз в этот майский день Михалыч был выпущен из психиатрической

лечебницы, после завершения срока принудительных работ. Именно по поводу этого знаменательного случая Лариса неожиданно покрасила утром волосы в темно рубиновый цвет с синеватым оттенком. Рубиновый цвет, надо сказать, сменил на её голове оранжевый, а до оранжевого у неё были лиловые волосы, а до лиловых волос у нее были белые волосы, и так до бесконечности... Пожалуй, никому, кроме медсестёр роддома, не удалось лицезреть настоящий цвет её волос. Наверное, и сама Лариса не была об этом точно осведомлена.

В тот вечер Михалыч сидел за кухонным столом на

импровизированной табуретке в форме телевизора - однажды он увёл с работы новенький японский телевизор, вынул из него внутренности и из телевизора получилась очень даже удобная табуретка. Михалыч сидел в одних трусах, доходивших ему до колен, вид которых едва вписывался в рамки приличия из-за огромных дыр на самых что ни на есть интимных местах, а когда он вставал и поворачивался спиной, то это уже был просто верх неприличия. Его невероятно волосатые ноги снизу прикрывали дырявые носки, еще недавно стоявшие по стойке «смирно» в углу его комнаты. Первый взгляд, которым Михалыч смерил зашедшего гостя, слегка испугал

Вовика: в нем была слабо скрываемая жестокая презрительность римского патриция, безжалостно смотрящего на не гражданина вечного города. Но чувствительная к перемене ситуаций интуиция не подвела юриста, и он как бы спонтанным движением правой руки отодвинул полы пиджака, как бы невзначай оголив горлышко бутылки водки, которую Михалыч не спутал бы ни с одним вместилищем жидкости. Перед встречей Лариса чрезвычайно серьезно убеждала Вовика, что единственная возможность установить какой-нибудь хотя бы слабый контакт с её отцом – это выпить с ним чего-нибудь крепкого. Вовик быстро

смог в этом убедиться, наблюдая за тем как Михалыч сначала с большим трудом, а затем более твердой рукой выпил один за другим три полных стакана водки, не упомянув при этом о закуске.

Михалыч посчитал лишним угостить водкой или чем-то ещё гостя, и Вовику пришлось наблюдать за трюком сидя за пустым столом. К тому же Лариса не любила готовить, и была привержена простой и незатейливой кухне, которая называлась "лишь бы не было отравления", но иногда даже этого ей не удавалось. Михалыч вытер рот рукой и глубоко вдохнул в себя воздух с остатками дихлофоса. Вовик тоже почувствовал запах препарата, – это пожилая соседка с

нижнего этажа ежедневно непрерывно боролась за чистоту биосферы в своей квартире, каждый день пытаясь вывести настырных тараканов сильнодействующими препаратами, ради чего она и сама была готова подвергнуться токсикомании, ну и соседей не обделит отравой. Правда, несмотря на все токсические удары и химические атаки, тараканы, как фениксы из пепла, возникали снова, пересидев газовые атаки у соседей, в основном у Ларисы и Михалыча. К Петровичу тоже иногда проникало несколько насекомых-перебежчиков, но всех их ждала незавидная участь: они умирали страшной голодной смертью.

Некоторое время Вовик был охвачен чувством полного восторга от такого почти циркового номера. Очнувшись под напором грубого взгляда Михалыча, он робко спросил:

- А... вы... и вторую бутылку сможете сейчас выпить?

Михалыч наградил Вовика презрительным взглядом эпикурейца, встретившегося со стойком.

- Он у тебя дурак? – обратился к дочери слегка размякший отец. – Пусть даёт сюда бутылку. – Это были первые ласковые слова, сказанные Михалычем дочери за последние два года.

- Извините, я как-то не подумал....- Михалыч понял, что

вторая бутылка здесь не присутствует, и это сильно испортило и без того безрадостное настроение эпикурейца. Взгляд его неожиданно остекленел, и он ушел глубоко в себя, ни с кем предварительно не попрощавшись.

- Папа, алё, ты чё, вот это – Вова, мой клёвый друг, - как будто пытаюсь достучаться в закутанную в непроницаемость душу Михалыча, почти закричала Лариса.

- Я не глухой су..., бл..., - твёрдо ответил ей Михалыч, откинув сантименты, особенно после того как узнал об отсутствии второй бутылки.

- Я бы попросил вас не выражаться в подобном духе о дамах, – Михалыч начинал все

**больше поражать слабое
воображение Вовика.**

**- Кто дама, бл...? Да я тебя за
такое су..., – Михалыч принял
несколько вульгарное сравнение
его дочери с дамой за личное
оскорбление.**

**- А я все же действительно
попрошу вас не выражаться в
присутствии дамы, - возмутился
Вовик, пораженный такой
чудовищной бестактностью.**

**- Да пошел ты на х...! - злобно
процедил сквозь зубы Михалыч и
тут же решил своими действиями
нанести непоправимый вред
здоровью Вовика. Михалыч знал
по личному опыту, что в подобных
делах главное быть первым - он
неожиданно ловко и метко ударил
Вовика ногой по известным**

пасхальным изделиям, которые так любил имитировать Фаберже.

После этого на некоторое время кухня превратилась в импровизированный боксерский ринг. Боксер в левом углу ринга, то есть Вовик, стоял, согнувшись, безвольно опустив голову и корчась от нестерпимой боли. Его руки были протянуты к ушибленному месту, а ноги – скрещены на манер балерин в «танце маленьких лебедей». В правом, противоположном углу ринга, боксер в серых дырявых трусах в красную полоску, обессилев от резких движений и хорошей порции выпитого, увидал, что путь к отступлению заслонил его противник, и в рассеянности сел прямо на пол, дожидаясь

**восстановления физических
кондиций. Постепенно чувство
боли у Вовика сменилось жгучим
чувством самой яростной
ненависти, - даже у трусов бывают
редкие минуты помутнения
рассудка, когда они приходят в
злое бешенство и начинают
чувствовать себя кем-то вроде
Тайсона и Кличко в одном лице.
Для Вовика всё было в этот
момент решено: он решил убить
Михалыча мелкими пощечинами.
Вовик подскочил к Михалычу,
схватил его за грязную майку и с
огромным усилием потянул его на
себя, возможно, приглашая на
мазурку. Михалыч, как былинный
богатырь, поднялся, но тут же
навалился на Вовика, явственно
показав своим обмякшим видом,**

что он не прочь остановиться на танго. Не вынеся такой фамильярности, Вовик оттолкнул его, и Михалыч громко рухнул на пол. Вовик налетел на лежащего Михалыча диким коршуном, резкими, быстрыми движениями нанося ему хаотичные удары по левой стороне челюсти, стараясь отшлифовать её до глянца. После слабого посинения этой части лица Михалыча, Вовик принялся за полирование правой щеки избиваемого, в чём он, надо сказать, не преуспел, выказав явные признаки быстро надвигающейся усталости. Закончив процедуру отмщения, Вовик, задыхаясь от непривычных физических упражнений, сел на табуретку, бывшую когда-то

телевизором, и стал глубоко тяжело дышать, стараясь быстрее вернуть себе физическое и психическое равновесие. Лариса тут же поднесла Вовику полный стакан воды, ловко перешагнув через распластавшегося на полу отца.

- На, Вовик, попей, бедный. Я же тебя предупреждала, что папа – полный козёл. Зачем ты меня не послушал?

- Еще и какой козёл, - скривился Вовик. При одной мысли, какую скверную шутку сыграл с ним Михалыч, его снова бросило в пот. – За такое убивать надо! Вот я так со всей душой, а он... Я ему этого никогда не прощу! Драться и когда!.. Бить и кого... - меня, человека двадцать

первого века, находящегося в двух шагах от вершин само... само... самосовершенствования... – чуть не плача причитал Вовик.

На поднятый шум, из соседних комнат высунулись детские, запыленные какой-то подвижной игрой, физиономии малышом. Маленький Валера, шатаясь на слабых ножках, подошел к дедушке, присел на корточки и стал дёргать его, наверное, очень болезненно, за волосы, не скрывая при этом своих ближайших планов наделать в подгузники. Но дедушка никак на это не реагировал. В это время он был уже на полпути к нирване.

Copyright © Roman Revakshyn
romanrevakshyn.su

XV

**Copyright © Roman
Revakshyn romanrevakshyn.su**

Тяжелые двери бара «Шарм» с треском открылись, откинув в конец зала официанта Лёшу, который со свистом полетел вслед за своим подносом, и в бар лихо ворвалась Лариса, со всех ног спеша на встречу со своими закадычными подругами - Наташей и Лилей. В ожидании Ларисы девушки уже битый час сидели в театральных позах: Лиля отвела свою левую руку с

длиннющей сигаретой в одну сторону, а Наташа, сидевшая напротив, отвела свою правую руку с сигаретой в противоположную сторону. Всё это время девушки периодически запускали в воздух сизые струйки дыма и в основном молчали - отсутствие кворума сказывалось на бойкости разговора. Наташа уставила в потолок свой невидящий взгляд, не затуманенный большим разумом и высокими материями, и лишь изредка перебрасывалась с подругой вялыми односложными фразами типа: «Дай сигарету» или «Где твоя зажигалка, моя не работает?». Лиля, как, в общем-то, и все подруги Ларисы, ничем особенным в жизни занята не была

и только и делала, что ничего не делала. У неё был сильный характер, но очень слабая воля, потакающая её многочисленным мелким слабостям. При виде рослых мужчин (не ниже ста восьмидесяти) у неё, почему-то, самопроизвольно разъезжались ноги. Как раз в это время Лиля была погружена в свежие воспоминания о расставании со своим последним парнем, который сказал ей на прощание что «она без башни», что не так уж сильно расходилось с действительностью. Этот тип украл у неё набор рюмок и на этом их знакомство закончилось. Рядом с девушками, на стене, висел рекламный плакат, с которого задорно улыбалась полуобнаженная девушка,

рекламирующая женскую косметику. Она была весела, потому что не знала, что у неё давно налицо все основные мужские признаки, пририсованные хулиганской рукой какого-то мастера. Перед подругами на столике стояла большая, потрескавшаяся от слишком частого использования, тарелка с остывшим шашлыком. Судя по вкусу, этот шашлык еще недавно жалобно мяукал и ловко лазил по заборам, а его запах напоминал что-то среднее между ароматом старой стельки и благоуханием несвежего носового платка. Вторая антикварная тарелка на столе была пуста, на ней ещё недавно был хлеб, который, незаметно для себя, съела

Наташа, с раннего детства приученная матерью к хлебным блюдам, - мать всё приговаривала: «Ешь, доченька, хлебушек, не то сиськи не вырастут». И результат хлебной диеты, надо признать, превзошёл все мыслимые ожидания.

При виде вбегающей Ларисы, обе девушки просияли от радости. Потом Наташа обиженно произнесла:

- Лариса, что ты с нами делаешь? Мы подышаем от скуки! Что случилось?

- Пришлось всё утро провозиться с детьми, - ответила Лариса, - они решили нашего кота, Ваську, посадить в центрифугу стиральной машины и сделать из него космонавта. - Однако надо

сообщить, Васька так просто не дался и отбивался как мог, проявив свой известный бойцовский характер. В конце концов, он пошел на поножовщину, исцарапав в кровь всех естествоиспытателей, после чего они стали орать благим матом и на них пришлось вылить целый пузырек зеленки, после чего дети были раскрашены в мелкий зелёный горошек, перестали плакать и со смехом принялись тыкать друг в друга пальцами.

- Я и смотрю, ты вся как-то осунулась. И вид у тебя усталый, – посочувствовала Лиля.

- Последнее время сплю всего лишь по десять часов в день, больше не получается, пожаловалась Лариса.

- Ты спала всего десять часов?! Лара, куда это годится, - возмутилась Наташа, - ты себя угробишь! Все косметологи говорят не меньше чем о двенадцати.

- Просто как-то больше не тянет...

- Как тебе не стыдно, подруга? Это просто позор! Завал! Вы только послушайте, спать меньше двенадцати часов в сутки. Ужас! Надо работать над собой, проявлять силу воли, что ли, блин. – Наташа посмотрела на Ларису с таким удивлением, как будто та совершила все смертные грехи одновременно.

- Ладно, ладно.. Я буду расти... Заставлять себя. Только не возникай.

В это время Лариса отведала кусок шашлыка и чуть не подавилась насмерть.

- Что это за ужас, - произнесла она, как человек чуть не съевший живую ядовитую змею.- Когда же они научатся здесь готовить, чёрт возьми. Но факт в том, девки, что я ужасно хочу хавать. Лёша, сволочь, поди сюда, мошенник. – Лёша подошел со смиренным видом человека привыкшего получать выговоры от посетителей и не только в словесной форме.

- Сколько раз я тебе говорила, что здесь кроме спиртного ничего нельзя заказывать, - обратилась к Наташе Лиля.

- Лилька, я же говорила - надо что-то поесть. Мне - нормально. У меня в желудке что-то не на месте

**после вчерашнего бардака. Так
напилась... Тоже мне
общегосударственный праздник...**

**За день до этого, придётся
сказать, был день рождения нашей
страны. Действительно, во время
наших долгих всеобщих
праздников выпивается столько
древесного спирта, денатурата,
растворителя, антифриза и других
содержащих алкоголь жидкостей,
что после празднования какой-
нибудь знаменательной даты в
больницы попадает столько народу
с телесными, физическими и
моральными увечьями, что в пору
на другой день объявлять
всеобщий траур.**

**- Лёша, а ну, не стесняйся, гад,
давай меню, - закричала Лариса,
взяла меню и быстро его**

пробежала, - вот эти котлеты, понял, сволочь. Две.

Через полчаса, почему-то запыхавшийся Лёша (возможно, он сам их и жарил) принес две горячие котлеты на тарелке с отколотым краем, соблазнительные на вид, но с подозрительным содержимым внутри. Как только Лариса попробовала одну из них на вкус, то сразу же выплюнула с отвратительным выражением лица, сказав, что их, по всей вероятности, уже когда-то ели, может быть даже не один раз. Больше она ничего не пыталась заказать.

- Кстати, подружки, - встрепелась Лариса, вспомнив, - мой Вовик просил спросить вас,

вы не против того, чтобы на днях побывать в сауне с его сослуживцами.

Не было и речи, чтобы кто-либо из девушек вздумал возражать против такого соблазнительного предложения. Девушки договорились о месте и времени встречи. Но самое интересное началось, когда пришло время платить за заказы. Ничто так не раздражает, как платить за что-либо! Ларису сдуло неожиданным порывом ветра в туалет, и она не показывалась оттуда в течении часа (ещё одна выработанная годами привычка). Наташа вышла покурить и исчезла в только ей одной известном направлении. Лиля долго сидела с ужасно злым лицом,

но затем оставила на столе какую-то бумажную мелочь и со скоростью кометы выскочила из кафе под вопросительные окрики Лёши.

Copyright © Roman Revakshyn
romanrevakshyn.su

XVI

Copyright © Roman Revakshyn
romanrevakshyn.su

Несколькими днями позже мэр Константин Иванович передал господина Кляйна для отдыха, то есть для разврата, господину Сущенко. Но сам Сущенко, как человек не склонный к всякого

рода сомнительным утехам, не желал принимать участие в насыщенной культурной программе гостя, и передал его такому знатоку разгульной жизни, как Пётр, - а Вовик должен был Пете в этом посылно помогать. План отдыха не отличался замысловатостью: после плотного завтрака, который Пётр назвал «фуршетом», предполагалась интимная расслабляющая сауна – днём, и весёлая, даже, возможно, буйная дискотека – ночью, с танцами до упада, караоке и щедрыми винными возлияниями пока у гостя хватит сил. После утреннего фуршета, Пётр, Вовик и хэр Кляйн отправились в городскую баню для снятия всех отрицательных эмоций,

накопившихся за последнюю неделю.

Здание городской бани представляло собой бесполое дитя барокко и авангардизма. Первый этаж здания был построен в стиле барокко со всевозможными красивыми лепными украшениями, а второй этаж почти весь был составлен из отдельных стеклянных блоков, соединенных между собой железными балками. Даже неискушенные в архитектурном искусстве люди, были сильно поражены таким странным смешением этих далёких друг от друга архитектурных стилей. Что хотел этим выразить архитектор здания - оставалось только догадываться. Когда иностранный гость вошел в

раздевалку бани, он отчётливо почувствовал как там резко запахло эротикой. В честь его приезда мужская раздевалка была арендована на весь день, и в ней находились три скромных девушки, полностью готовые к принятию термических процедур. Они сидели посреди раздевалки в небрежно накинутых на обнаженное тело коротеньких махровых халатиках. По приветственным радушным улыбкам, которыми они одарили пришедших мужчин, хэр Кляйн понял, что девушки дожидаются именно их. Наташа, Лариса и Лиля радостно замахали руками: «Мы уже здесь, мальчики! Мы вас ждем!» - Вовик со смущенной улыбкой подошел к Ларисе и

картинно поцеловал ей руку, как человек собирающийся быть не только мужчиной, но и джентльменом. Остальные подруги Ларисы, уже известные нам Наташа и Лиля, тоже знали, кем заняться: Наташа кокетливо обняла Петруху (они не виделись целых четыре часа), а Лилия, целомудренно скрестив на груди ручки, подошла к гостю и, немного наклонившись, так, чтобы халат слегка распустился, представилась: «Лилия, но для вас просто – Лилёк». «Лилёх, о, гут, Лилёх, я рат фас фидеть, Лилёх», - по-женски жеманно ответил господин Кляйн, обрадованный тем, что предназначенная ему девушка очень мила и приветлива, и, судя по её доброй улыбке,

характером вряд ли была похожа на его жену, которая, по его выражению, в гневе была страшна, как ураганный ветер в дождливую погоду. Особенно ему понравились пухлые губки «Лилёх», которые могли уступить своей пухлостью только «Лилёхиной» груди. Вовик и Пётр принялись раздеваться, смущаясь, правда, тому, что их подруги нисколько не хотели отвлекаться от процесса их близкого созерцания. Пётр не выдержал и произнес шепотом: «Вы бы отвернулись, что ли, перед гостем неудобно». Девушки фыркнули, порывисто сбросили с себя халатики, и пошли выбирать веники. Гость с пристрастием посмотрел на костюм Евы, в

который облачилась «Лилёх», и про себя отметил, что он был бы еще прекрасней, если бы этот костюм немного погладить. Когда Пётр разделся, на его левом плече обнажилось странное зеленое пятно неопределенной формы. История этого непонятного рисунка своими корнями уходила в безоблачную юность будущего бизнесмена, когда у него неожиданно начался романтический период, и он влюбился в Иру из параллельного класса. Любовь продлилась четыре дня, в течение которых на его плече появилась неумелая татуировка «ИРА». После Иры появилась Света и, следовательно, «ИРА» было изменено на «СВЕТА». Но и это имя

просуществовало только две недели; и так далее, пока на плече не образовалось непонятное зеленое пятно. Затем романтический период в Петинной жизни прошел и наступил период зрелости, новых татуировок с женскими именами не появлялось, но если в городе появлялась новая девушка лёгкого поведения, то не проходило и пары часов, как Пётр оказывался рядом с ней. Что уж говорить о его секретаршах, с которыми Петя непременно вступал в деловые отношения по долгу службы.

Хэр Кляйн был знаком с древним обычаем мыться вместе с женщинами, и часто участвовал в подобной вакханалии у себя на родине, но он не знал, что наша

баня – это не только помывка, но и сложная систематическая порка с пристрастием. Лиля так усердно принялась за его расшатанный непосильным трудом организм, что через пятнадцать минут хэр Кляйн был изможден до крайнего предела и едва волок ноги, выходя из парилки под руку с «Лилёх». Когда они уселись на скамейку в раздевалке и хэр Клаус немного отошёл от процедур, он между делом небрежно схватил Лилю за грудь и стал ненастойчиво её теревить, как будто бы просто хотел не потерять квалификацию в отношениях с противоположным полом, а совсем не для того, чтобы перейти к чему-нибудь более серьёзному. Но он попал в цепкие руки Лили, и ему не суждено было

избежать серьезных отношений. «О, господин Кляйн, - загадочно улыбаясь, поспешила спросить Лиля, - неужели вы хотите меня физически унижить?» Её беспокоило отсутствие наглой страсти с противоположной стороны, и она с силой прижала тощее потное тело немца к своему пышному стану, пылающему жаром и желанием. Подобно необъезженному мустангу, она жаждала, чтобы её объездили, и всё объезжали и объезжали... Среди местного бомонда: старшекласников и престарелых донжуанов, Лиля была признана превосходной любовницей, потому что могла совершать одни и те же безостановочные движения в течение целого года, и не задидала

за это цены. Хэр Кляйн был очень добр после утреннего злоупотребления винами и горячительного садомазохизма в парилке и легко поддался чарам соблазнительной феи, конечно, насколько хватило его сил. После долгих потуг он, всё-таки, проявил достаточно желания не только «физически унижить», но и физически оскорбить, и физически надругаться над бедной девушкой. Через некоторое время Вовик, Лариса, Пётр и Наташа застали гостя полулежащим на хрупких руках Лили в почти бессознательном от счастья состоянии, полностью очистившегося от стресса и грязи. После бани вся компания отправилась на городскую

дискотеку. В обычные дни дискотека была предоставлена развитой городской молодежи, где дети города проходили полный курс табачной ингаляции, учились основам разврата и получали начальную степень алкоголизма. По выходным дням, из-за дороговизны билетов, посещать дискотеку должны были в основном взрослые и зажиточные люди. Но хэра Кляйна сразу поразило огромное количество малолетних, находящихся в приятном алкогольном опьянении и беззастенчиво курящих. Причём, немец заметил, что чем меньше был ребенок, тем больше была у него сигарета. Скученность народу, смрад и зловонные испарения, здоровые молодые

организмы, с ранних лет привыкшие к интенсивной интоксикации, выносили намного легче, чем взрослое поколение неврастеников. На дискотеке господин Клаус, после повторного «фуршета», повторил два грандиозных подвига, описанные в легендах разных народов мира. Сначала, во время отсутствия своих молодых помощников, вовсю отплясывавших в танцзале, хэр Кляйн увидел, как какой-то кудрявый субъект разговаривает с Лилей недалеко от его столика, развязано положив ей руку на грудь. Господин Клаус немедленно решил выдать себя за Отелло, и в него неожиданно вселился бес ревности. Немолодой немец встал из-за столика, который находился

на втором ярусе возле танцзала, и попытался направиться к наглецу нетвёрдой поступью моряка, идущего по палубе в штормовую погоду, но не удержал равновесие тела, очень тяжёлого после огромного количества выпитых коктейлей, и протаранил стоявшие на его пути столики, как ледокол арктические торосы. После этого ему только оставалось пулей долететь до металлического ограждения и благополучно через него перекувыркнуться, полетев головой вниз на танцевальную площадку, повторив тем самым свой собственный великий поступок, совершенный в Берлинской опере, когда он, изрядно подкрепившись в буфете во время антракта, по окончании

представления, шагнул прямо в зрительный зал с балкона бельэтажа, не найдя правильного направления выхода. Последствия в обоих случаях могли бы быть катастрофическими, если бы он не был в этот момент мертвецки пьяный. Поэтому в обоих случаях он отделался легкими ушибами и синяками. После удачного падения у него, тем не менее, еще хватило сил встать, оттолкнуть от себя подбежавших на помощь Вовика и Петруху, и совершить второй незабываемый подвиг: он повторил своими действиями поступок Гулливера, который потушил пламя, охватившее императорский дворец в Лилипутии, используя лишь личные подручные средства,

сделав всё это среди танцующей публики и очаровав её своей нетрезвой ловкостью и безоглядной смелостью.

Copyright © Roman Revakshyn
romanrevakshyn.su

XVII

Copyright © Roman Revakshyn
romanrevakshyn.su

На следующий день, согласно расписанию в ежедневнике мэра, у него должна была состояться давно запланированная поездка в подсобное городское хозяйство, которое теперь называлось фермерским, и название никак не повлияло на живописную разруху, царящую в этой деревне. - По

полям фермерского хозяйства были разбросаны деревянные свинарники и коровники, которые издали были более похожие на остовы древних разбитых кораблей, выброшенных бурной волной на необитаемый берег. Вблизи же казалось, что здания были протаранены каким-то залетным снарядом или другим каким-нибудь низко летающим объектом, причем с некоторыми фермами объект проделал это не один раз. Посевные площади, надо признать, были засеяны, и на них начинала колоситься юная растительность, но что будет с ней в конце лета, когда надо будет собирать урожай, да ещё как обычно в проливной дождь или ранние заморозки, этого не знал

никто. Половину урожая картофеля обычно уничтожал колорадский жук, которого хотя и безжалостно травили китайскими ядохимикатами, но который, как истинный американец, был неистребим. Часть посевных площадей просто была занята городской мусорной свалкой, и на ней днём и ночью работала дружная бригада бомжей, без устали разрабатывающая богатое месторождение.

Народ в фермерском хозяйстве был с чудным характером, но несколько отсталый. Нельзя сказать, чтобы жители наших деревень не были знакомы с достижениями культурного человечества, и что цивилизация совсем не дошла в нашу глубинку,

но, тем не менее, в области вокруг города время от времени случались дикие случаи людоедства, не говоря уже о частых случаях лихого воровства и бандитизма. Некоторые социологи приписывают это дурным наклонностям нашего народа, остальные же считают это обычным проявлением вопиющей нищеты.

Хэр Клаус Кляйн был выписан из Германии как долгожданный инвестор, способный в сказочно короткие сроки превратить безобразные навозные кучи в горы золота; залить в отравленную речку «Суколку» баварское пиво, а каждого работника сделать высококвалифицированным непьющим специалистом, серьезно

занимающимся спортом в свободное от посевной время. На деле же господин Кляйн должен был создать фиктивную фирму, которой было суждено прожить не больше года; получить кредиты, а затем кануть в лету, с большими последствиями для государства. Этим и зарабатывал себе на жизнь хэр Клаус Кляйн.

Ранним утром ничего не соображающего Кляйна, едва начинавшего приходить в себя после веселья, Пётр и Вовик нежно впихнули в машину. Пётр сел за руль, усиленно жуя жевательную резинку, ароматизируя запах перегара. Через двадцать минут они подъехали к даче мэра. Константин Иванович ловко, для

своих крупных габаритов и фигуры, больше напоминавшей шифоньер, проскользнул внутрь машины. Он был один, без охраны, и, казалось, был этому очень рад. Сев на переднее сиденье, он повернулся и посмотрел назад: на заднем сиденье он увидел свернувшегося «калачиком» дорогого гостя, от которого пахло как от местного пивзавода на два километра; мэр неодобрительно покачал головой - мол, дай вам человека на сутки, так вот что вы с ним можете сделать:

- Ребята, если дело пойдет так и дальше, Кляйна придется отправлять домой бандеролью.

- Это все коктейли, Константин Иванович, - стал оправдываться Петя, - он их почему-то очень

любит, что он в них нашел - не знаю. А у нас вы же знаете, в напитки и этиловый и метиловый спирт добавляют. - Больше всего господину Кляйну накануне понравился коктейль «Ягуар», после которого на утро всем хочется лезть на стену и орать дикой тварью. Кляйн подтвердил слова Пети начинающимся нездоровым храпом, больше напомнимшим звук расстроенного контрабаса. Кляйн несколько раз в полудреме ласково произнёс: « О! Лилёх, он - млодэць!» - при этом складывая губы дудочкой и целуя воображаемый образ.

В десять часов утра председатель фермерского хозяйства, щуплый рыжий мужичок, юркий проныра,

способный влезть в самые узкие, можно сказать, интимные места, с большим букетом роз ожидал гостей у развилки дорог. Одна из дорог, по всей видимости, должна была привести в деревню. На указывающем дорожном знаке, стоявшем возле дороги, было написано: «Совхоз 40 лет Октября», бывшее название сельского хозяйства, хотя сами крестьяне все больше называли его «Сорок лет без урожая». Подъехав к стоящему председателю, мэр открыл окно, поприветствовав фермера жестом главнокомандующего. Но когда тот попытался всунуть в окно букет роз, Константин Иванович недоуменно повертел пальцем у виска. Председатель понял намек,

опустил букет и резво засеменял к «Уазику» - чтобы показать путь к объектам будущих инвестиций. Погода, к счастью, была лётной. После любого слабого дождя сообщение деревни с внешним миром держалось лишь на телефонной связи, которая тоже часто подводила. Появление мобильных телефонов председатель фермерского хозяйства принял как манну небесную, празднуя это событие в коровнике почти три недели. В конце праздника одна из коров съела телефонный аппарат, и звонки глухо звучали в её чреве целые сутки – всё-таки надежные делают вещи.

Когда делегация подъехала к первой свиноферме, председатель с

деловым видом вытащил из «Уазика» четыре пары сапог и ловко подбежал, держа их под мышками, к машине гостей. Гости поняли, что им предстоит нелёгкая прогулка. Хэра Кляйна растолкали. «Мистер Клаус, мы приехали, пора нам прогуляться», - ласково сообщил ему мэр. Хэр Клаус с трудом открыл стопудовые веки: «Вас ист..., о йа...», - наконец сознание стало возвращаться к нему, а с ним и ужасное чувство самой противной тошноты. «Тойлет?!...» - вопрошал он с видом безвозвратно гибнущего человека. Председатель мигом указал на отдаленное строение, отдаленно напоминающее какое-либо строение. Немец, не надевая сапог, опрометью помчался в

указанном направлении. Когда же он подбежал к подобию туалета и дёрнул за некое подобие ручки на двери, то, не зная наших деревенских обычаев не закрывать клозетов, застал там доярку Никитичну в интересном положении.

Невдалеке от свинарника стоял переживший не одну зиму полусгнивший стог сена, но, несмотря на его гнилость, изнутри него валил густой чёрный дым.

- Что это у тебя там стог горит? - спросил мэр у председателя хозяйства, строго нахмутив брови, как человек не любящий бесхозяйственности.

- Горит!?! – удивленно переспросил главный фермер, как

будто только что это заметил, - не может быть!

- Может, – грозно произнес Константин Иванович, - а вы тушить пытались?

- Сейчас всё сделаем, не волнуйтесь, - и председатель метнулся зайцем к рации, находившейся в его автомобиле, и довольно долго ругался с кем-то невидимым, размахивая руками и топая ногами, во всю пытаясь показать мэру как ему не всё равно, что происходит в хозяйстве.

Через некоторое время хэр Кляйн вернулся к машинам с огромными комьями налипшей земли на ногах, провожая изумленным взглядом чуть не сбившую его рябую лошадь, неожиданно промчавшуюся мимо

него со скоростью один метр в час и припадавшую на все четыре ноги. Она тащила за собой старинную телегу, которой никто не управлял, как будто она была на дистанционном управлении, и ещё неизвестно кто кого принуждал к движению лошадь - телегу или телега – лошадь. Судя по комплекции и объективным законам физиологии, лошадка никак не могла что-либо тащить.

Кляйна пришлось срочно переобуть в сапоги и отдать его туфли на помывку той же Никитичне. Окинув мутным взглядом окружавший его пейзаж, к немцу, казалось, стал возвращаться интерес к жизни. С только ему понятным любопытством он пристально

вглядывался в сельскую даль. Потом он медленно перевёл взгляд на деревянное сооружение возле которого они стояли. Свиноферма с сильно прохудившейся крышей была одним из самых

респектабельных сооружений в деревне. Возле входа была привязана огромная черная собака с голодным взглядом явно предвещавшим порванные штаны. Сама форма свинофермы привела немца в искренний восторг – форма квадрата плавно переходящего в ромб, который легко менял форму при сильном ветре, раскачиваясь из стороны в сторону и производя скрипучие созвучья. Председатель фермерского хозяйства пригласил гостей пройти на ферму. Войдя во

**внутри, в сопровождении
председателя, Пети, Вовика и
нескольких работниц хозяйства,
Константин Иванович и хэр
Кляйн были приятно удивлены
откормленности свиноматок и
суматошным оживлением,
царившем среди породистых
хряков (несмотря на тяжелые
условия труда, свинарки,
трудолюбивые пожилые сельские
женщины, делали всё, чтобы не
обидеть скотину). «Н-да, - как-то
задумчиво произнёс глава
городской администрации, а затем
сказал непонятную фразу. - Свиной
столько же, сколько у нас в
городском совете.» - И тут же
поперхнулся, не ожидая от себя
такого вольнодумия. Как будто в
подтверждении этой крамольной**

мысли, один из покрытых длинной белой щетиной хряков подошел к нему и уставился на него немигающим взглядом первого заместителя Константина Ивановича. Мэра даже передернуло от такой неслыханной наглости.

В отдельном углу на боку лежала огромная трёхметровая свиноматка с большими как лопухи ушами. К её соскам, в пять рядов, тянувшимся по её брюху, прилипло несметное количество розовых поросят.

- Это - наша гордость, - представил глава хозяйства своё достижение, - мы вывели отечественную породу высокопородистых свиней!

- И долго над этим работали? – скептически поинтересовался мэр.

- Нет, не очень. Скрестили голландскую и английскую породы.

Кляйн поднял глаза вверх, немного задрал голову, и увидел огромную дыру в крыше свинарника. Как раз в это мгновение деревянные балки под напором ветра или от своей собственной тяжести затрещали. У хэра Клауса от этого звука и непривычных движений закружилась голова, и на мгновение ему показалось, что крыша вот-вот рухнет на него, а земля медленно начала уходить у него из-под ног. Он пошатнулся, но быстро опустил голову и сумел сохранить равновесие тела.

Принимая во внимание его болезненное состояние, это был еще один подвиг, совершенный немцем во время его пребывания в нашем городе.

- Вундебар..., гут..., дас ист фантасти..., натюрлих...- очаровано произнёс он, немного придя в себя. По-видимому, действительность превзошла все самые смелые его ожидания, - он не мог и представить себе большей удачи.

- Это есть воспетительно... - произнес он, повернувшись к Константину Ивановичу, пленённый увиденным. – Подходить лучше...эм....слоф не иметь.

-Я рад, что вам понравилось! Фермерское хозяйство - то, что

надо, это вам не Германия какая-то, всё как с иголки, полная разруха - удовлетворённо произнёс мэр. – Работы здесь надолго хватит, так что все будем не внакладе.- Он просиял от радости в предвкушении грандиозной аферы.

- Я могу вам также показать наши коровники, хотя они немного похуже... - поспешил обрадовать приезжих председатель, мгновенно заболевший манией величия, хотя совсем не понимал, чему радуются мэр и его спутник, но чутко уловив нотки ликования в их словах.

- Нет, не стоит, дорогой, - добродушно ответил Константин Иванович, - думаю, картина там ещё более весёлая. – И он по-приятельски похлопал

председателя фермерского хозяйства по плечу:

- Хорошо работаете, нечего сказать. Продолжайте в том же духе. – Председатель так и не понял, что это: похвала или подготовка к будущему разносу.

- Вы провели предварительную работу с населением, уважаемый? – спросил его мэр.

- Да, Константин Иванович, но вы понимает... это же наши люди... А наши люди – это человечисы, глыбы, их не так легко сдвинуть с места.

- Не поверили, значит? – вздохнул Константин Иванович. Председатель неуверенно пожал плечами, как человек, давно пойманный односельчанами за занятием пустословием.

- Продолжайте работать...
- Кроме всего прочего, остаётся найти достойную кандидатуру для директора нашего будущего фонда, – Константин Иванович теперь уже обратился к своим спутникам, после того как они вышли из фермы под пристальным взглядом черной собаки. - С необходимой кандидатурой могут возникнуть серьёзные проблемы. Не всякий захочет, так сказать, подвергать себя... Да и слишком умный человек нам ни к чему.

- Я знаю одну такую кандидатуру, - торжественно произнес Вовик, хранивший до этого в течении всего выезда делегации гробовое молчание, потому что лучше всех знал как жестоко можно поплатиться за все

эти коммерческие операции. Кроме того, у него после ночного веселья ужасно болела голова. Только теперь он неожиданно воспрянул духом. Вовик зловеще усмехнулся и еле слышно произнес с сильным чувством тайного злорадства:

- Кандидатуру зовут Михалыч...

Copyright © Roman Revakshyn
romanrevakshyn.su

*

*

*

Copyright © Roman Revakshyn
romanrevakshyn.su

Возвращаясь из фермерского хозяйства, мэр и господин Кляйн находились в весёлом, можно даже

сказать, мечтательном настроении, иногда прерываемом скачками на ухабах проселочной дороги. На лице Вовика играла самодовольная улыбка, говорящая о жестокой мести, готовящейся в его уме для Михалыча. Петя был сосредоточен на ведении машины, но начинал чувствовать слабость, пришедшую вслед за похмельем, и с трудом старался не задремать за рулем. Через полчаса просёлочная дорога кончилась, и машина выехала на областную трассу. На ровной дороге Петя, как ни старался, но стал время от времени клевать носом, и автомобиль начинал слегка вилять, поэтому, когда они приблизились к посту автоинспекции, с которого дорога просматривалась на несколько

километров вперёд, то дородный дорожный инспектор опытным взглядом определил необычность в поведении машины, передал информацию коллеге, который, подняв полосатую палочку, властным жестом указал на обочину дороги.

- Вот идиот, - выругался Петя, тем не менее взглянув в зеркало заднего вида на Константина Ивановича, который на обратном пути сел там, поменявшись с Вовиком. Тот глубоко вздохнул, но ничего не сказал, позволив Пете самому искать выход из ситуации, - он не любил ограничивать инициативу подчиненных.

Инспектор спокойно продолжал стоять на том же месте, как будто не замечая машину, терпеливо

ожидая, когда выйдет водитель, хотя по инструкции он сам должен подойти к транспортному средству. А Петя, отлично понимая с кем он едет, не делал никаких попыток выйти из машины и завязать с инспектором дружеский разговор. Игра в кошки-мышки могла продолжаться очень долго.

- Посигналь этому балбесу! - не выдержал мэр, - или мы будем здесь стоять вечно?!

Продолжительные сигналы в течение пяти минут наконец привлекли внимание инспектора, и он опустил до того, что самолично подошел к машине, позволил себе немного наклониться и посмотреть презрительным взглядом в открытое Петей окно.

**- Сержант Пекткунтруев, -
скороговоркой произнес сержант,
как будто стесняясь
членораздельно произнести свою
фамилию или опасаясь, что её
смогут, не дай бог, запомнить, -
Ваши права и техпаспорт... У-у-у,
да Вы, кажется, выпимши, а ну
выходи из машины по одному!**

**- Послушай, командир...- начал
было Петя, но сержант его
оборвал:**

**- Никаких разговоров, -
угрожающе понизив голос,
зашипел инспектор, - и даже не
заикайся о деньгах...**

**- Слушай, придурок, -
разозлился Петя, - ты в салон
загляни, может быть узнаешь мэра
нашего города.**

Грозный инспектор слегка побледнел, снял широченную фуражку и всунул квадратную голову в открытое окно. Увидев мэра, лицо которого два года назад красовалось на каждом рекламном щите, стоявшем вдоль трассы, он, глупо улыбаясь, тут же отдал честь, приложив руку к непокрытой голове, засунутой в окно машины, и громко ударил полосатой палкой, привязанной к руке, по крыше машины.

- Извините, Константин Иванович, я не хотел...- по-детски извинился инспектор Пекткунтруев, тут же быстро высунул голову из окна, вытянулся и отдал честь, приложив руку к фуражке-аэродрому. – Счастливого пути,

господин мэр! – почти прокричал инспектор, провожая отъезжающую машину испуганным любящим взглядом.

- Бывают же идиоты, - соболезнующее покачал головой Петя, - главное сразу заикается о деньгах...Если бы не вы, Константин Иванович, сейчас бы произошел наглый грабеж. Пару раз в год эти бандиты заставляют меня раскошелиться. Если Владимир Васильевич меня когда-нибудь уволит, то пойду в инспекторы, ей богу, на большую дорогу, стану действительно хорошо зарабатывать. Стой себе, занимайся, значит, бездельем и потроши потихоньку...

Мэр от души рассмеялся. Хэр Кляйн, увидев радость друга, тоже

развеселился, хотя и не понял предмет радости.

- Если хочешь хорошо зарабатывать – иди в налоговую, - произнёс мэр, проявив некоторую склонность к наставлениям, - знаешь какие деньги каждый день прилипают к их рукам, даже мне приходится с ними договариваться. Озолотишься всего за какой-нибудь год, поверь мне, Петя. Станешь богаче меня. – И мэр задорно, но, не теряя степенности, засмеялся.

- А ещё лучше устроиться на таможду, такие деньжищи текут в лапы, только успевай набивать подушки, - ответил Петя. – В юности я так мечтал стать таможенником, вот только

увлечения молодости не позволили.

- А вот одноклассник, - продолжил разговор Петя, почувствовав смелость от благосклонности мэра, - бывший главный бандит и худший ученик школы, - я думал он давно сидит в тюрьме, а тут недавно встречаю его и не верю глазам своим - одет лучше президента – глава охранной фирмы, вот пристроился, гад... Да-а-а, все бывшие бандиты теперь одели форму...

Мэр подозрительно посмотрел на Петю, не ожидая услышать столь вольные рассуждения от столь ограниченного человека. «Заразный ветер свободы», - подумал, печально вздохнув, Константин Иванович.

Copyright © Roman Revakshyn
romanrevakshyn.su

XVIII

Copyright © Roman Revakshyn
romanrevakshyn.su

Однажды Михалыч, сидя на лавочке возле дома и ожидая возвращения из магазина маленького Вити, заметил, как в соседний подъезд, поздоровавшись со стоявшими перед домом старушками, вошёл средних лет мужчина с портфелем в руке. До Михалыча донёлся обрывок разговора старушек: «Наш новый жилец с третьего этажа...»

Михалычу сразу же в голову пришла счастливая мысль «проверить того на вшивость». На следующий день, как всегда в состоянии глубочайшего похмелья, он уселся на лавочке возле соседнего подъезда, терпеливо поджидая свою жертву. Скоро мужчина средних лет с портфелем появился, беззаботно направляясь в свою новую квартиру. Чувствовалось, что на душе у него было легко и весело, как будто, он недавно развёлся.

- Старина, - хриплым голосом загробного царства обратился к нему Михалыч, - дай десятку, умираю..., надо поправиться!..

Copyright © Roman Revakshyn
romanrevakshyn.su

Мужчина, не меняя благодушного выражения лица, спокойно вытащил из кармана брюк деньги, выбрал нужную купюру и протянул Михалычу. Михалыч попытался скорчить благодарную гримасу:

- Спасибо, бл..., нах..., старик, спас, су... .

После этого, Михалыч как штык в положенный час оказывался на лавочке у соседнего подъезда, и каждый раз повторял одну и ту же просьбу ссудить ему десятку.

Сосед, надо отдать ему должное, держался молодцом, не жалея денег для неожиданно появившегося нового приятеля.

Иногда рядом с Михалычем сидел Петрович, одетый в пиджак и семейные трусы, - город был

настолько густо заселён, что по нему можно было гулять абсолютно нагишом без какого-либо риска быть увиденным в таком пикантном одеянии кем-то из сограждан . Но Михалыч, как человек справедливый, несмотря на то, что их было двое, не увеличивал тариф за проход домой. Однако, когда наступали выходные дни - друзьям приходилось сложно - мужика с портфелем совсем не было видно. Конечно, с его стороны это было форменным свинством: знать, что на улице его помощи ждёт страждущий человекообразный и не высовывать носа, а ведь за два дня гомо сапиенс мог и ноги протянуть. Сначала Михалыч думал, что в выходные дни он не

**МОЖЕТ ИЗЛОВИТЬ НОВОГО СОСЕДА ИЗ-ЗА
ЕГО НЕОПРЕДЕЛЁННОГО ГРАФИКА
ВХОДА И ВЫХОДА ИЗ ДОМА. Но когда
он просидел весь выходной день на
лавочке, но не дождался своего
благодетеля, то пришёл в самое
страшное бешенство, поражённый
ужасной чёрствостью субъекта с
портфелем. Ему даже стало
ненароком казаться, что тот
специально, чтобы не встречаться
с Михалычем, сидит дома целыми
днями. Тут уж Михалыч не
выдержал, осведомился у
старушек о точном расположении
квартиры изверга и пошёл
восстанавливать справедливость.
После тяжёлого грубого стука
дверь изувера открылась.**

**- Ну, ты это, что не выходишь то,
су..., какого х... я тут мучаюсь,**

значит, а он никак...- И не сумев докончить приветствие Михалыч выпалил, - дай десятку, а то бл... нахр... помру.

Наглому соседу нечем было ответить на справедливые обвинения, как только дать десятку. Мужчина судорожно сунул её Михалычу в руку, заскрежетал зубами и с силой захлопнул дверь. Михалыч ухмыльнулся и пошел вниз.

Через неделю сосед съехал.

Copyright © Roman Revakshyn
romanrevakshyn.su

*

*

*

Copyright © Roman Revakshyn
romanrevakshyn.su

19 июля к двери квартиры Михалыча и Ларисы поднялись два милиционера. Один из них, тучный лысый мужчина с большой головой и потёртой кожаной папкой под мышкой, долго подозрительно смотрел на изуродованную дверь с оскорбительной надписью, написанной мелом каким-то грамотеем и после минутного колебания сжал кулак и принялся стучать в дверь, обмениваясь со своим товарищем многозначительными взглядами, как будто говоря ему: «Будем похитрому, нежно...». За дверью

послышался звук приближающихся шагов и резкий, бесцеремонный голос Ларисы спросил через дверь: «Кто там ещё?» «Мы хотели бы поговорить с Велокопытиным Иваном Михайловичем», - вежливо, чтобы не спугнуть голос за дверью, но громко произнес милиционер с папкой подмышкой. Дверь открылась, на пороге появилась Лариса, её лицо было покрыто огуречной маской. Один из милиционеров вздрогнул. Лариса тоже вздрогнула, увидев сквозь огуречную маску людей в милицейской форме, - один из огурцов отвалился, и, вспомнив, что это плохая примета, резко попыталась закрыть дверь, но предусмотрительный слуга

**фемида с папкой подмышкой
очень ловко поставил свою ногу
между стеной и дверью - видимо,
он привык к приветливости
граждан. Copyright © Roman
Revakshyn romanrevakshyn.su**

**- Но, но, не надо так шутить,
девушка, мы здесь по важному
делу, и будет лучше, если вы всё-
таки позовёте господина
Велокопытина, управляющего
банком «Взаимыкредит». –
Челюсть у Ларисы отвисла, и она
некоторое время не могла
промолвить ни слова, но потом,
лёгким движением мозга, поняла,
что тут происходит что-то
странное, откашлялась, и, снова
обретя дар речи, тихо сказала:
«Хорошо», - и пошла будить**

Михалыча, который уже второй день не мог встать с кровати.

Дело было в том, что некоторое время назад у городского вино-водочного завода не подвезли вовремя спиртовое сырье, и стоявшая на запасном пути городской железнодорожной станции цистерна с ацетоном непонятно каким образом разлилась в тысячи бутылок под видом дешёвой водки, из-за чего несколько сотен трудоспособных жителей города преждевременно отправились на тот свет в адских муках. Директор завода, искусная подделка на человека, правда на которого мэр имел большие виды, как на будущего зятя, не был сколько-нибудь испорчен глупыми понятиями о совести, долге и

остальной ерунде подобного рода. Тем не менее, даже он был удивлен, как слабы стали организмы наших граждан, если они не способны противостоять подобной чепухе.

Испытанный ударами судьбы организм Михалыча и тот пришел в полное расстройство.

Мастопатия, молочница, тяжелая форма геморроя, застарелые венерические заболевания и без того более шестидесяти лет время от времени давали о себе знать. А тут еще такое... Ко всем прочим болезням прибавилась еще одна – умственный запор, что проявилось в том, что Михалыч вообще перестал сколько-нибудь здраво смотреть на жизнь. «Наверное, простудился, - безрассудно думал он, почувствовав сильное

недомогание во всём теле, - нельзя же так заболеть от водки, бл...».

Правда последний раз он простужался сорок лет назад и то, когда пролежал всю ночь в угольном сарае при пятнадцатиградусном морозе.

«Па, - начала трясти гулко хрипевшего Михалыча Лариса, - к тебе менты пришли, ищут какого-то управляющего банком».

«Ё, бл...» - едва слышно произнёс Михалыч, с невероятным трудом открывая глаза. Он приподнялся, слабо помотал головой, потом встал с кровати и пошёл. Перед выходом из комнаты он обернулся и невероятным образом увидел себя лежащего на кровати. Михалыч вдруг ощутил непередаваемый ужас и

необычайную лёгкость *во всём теле*, его ноги постепенно стали отрываться от пола, и он стал подниматься всё выше, и выше, и выше...

1997г.

Copyright © Roman Revakshyn
romanrevakshyn.su

™ Revakshyn Production

